

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОБЗОРЫ

Д. В. Сальникова

Источники несогласованности результатов исследований взаимосвязи объективного и субъективного благополучия

САЛЬНИКОВА Дарья Вячеславовна — преподаватель общеуниверситетской кафедры высшей математики, аспирант школы социологических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: dsalnikova@hse.ru

До сих пор представляют интерес результаты, известные в литературе как парадокс Истерлина. Согласно им в долгосрочной перспективе — 10 лет и более — экономический рост не оказывает значимого эффекта на уровень счастья в обществе. Эти результаты послужили стартовой точкой для развития дискуссии о расхождениях между объективными и субъективными показателями благополучия. В современной литературе не достигнут консенсус в теоретических объяснениях степени разрыва между этими индикаторами, отсутствует согласованность в оценке силы и характера взаимосвязи объективного и субъективного благополучия в развивающихся странах и странах с переходной экономикой. В статье обсуждается не только исходная формулировка парадокса Истерлина, релевантная для странового уровня анализа. Нас интересует развитие дискуссии относительно расхождений между объективными и субъективными показателями благополучия как на страновом, так и на индивидуальном уровне. Цель данной статьи — выявление исследовательских стратегий, позволяющих учесть и объяснить противоречия в характере взаимосвязи объективного и субъективного благополучия.

Для начала автор обозначает истоки дискуссии о субъективном благополучии, обсуждает, с чем связан интерес представителей разных предметных областей к субъективному благополучию. Далее в статье представлено краткое описание того, каким образом развивалась дискуссия о разрыве между объективным и субъективным благополучием, показана основная аргументация сторон. Представленный обзор ключевых источников по рассматриваемому вопросу позволяет выявить основные причины несогласованности результатов исследований, изучающих эффект воздействия экономических показателей на их оценку индивидами. В заключительной части статьи автор представляет стратегии исследования, позволяющие объяснить, от чего зависят выводы о взаимосвязи объективного и субъективного благополучия.

Ключевые слова: парадокс Истерлина; экономический рост; субъективное экономическое благополучие; субъективное неравенство; теория относительного дохода; теория социального сравнения.

Введение: истоки дискуссии о субъективном благополучии и его связи с экономическим благополучием

Субъективное благополучие продолжительное время оставалось преимущественно предметом психологических исследований. Первоначально социологи довольно скептически относились к изучению субъективного благополучия [Veenhoven 2008] в силу того, что оно является отражением эмоционального состояния индивида и, таким образом, выходит за пределы предмета социологических исследований. Р. Вееenhoвен, сближающий понятия «счастье», «удовлетворённость жизнью в целом» и «субъективное благополучие» [Veenhoven 2000; 2007], одним из первых обратил внимание на то, что оценка индивидами собственного благополучия является отражением состояния общества, вовлечённости индивида в социальные сети. Так, социологи занялись изучением оценок благополучия в контексте исследований аномии, определяемой часто как состояние общества, характеризующееся размытостью социальных норм, отсутствием чёткого распределения социальных ролей и устойчивых паттернов поведения социальных групп [Swader, Kosals 2013: 3]. Отчуждение и бессилие, то есть ощущение индивидом своего подчинённого состояния по отношению к отвлечённой системе, на которую невозможно повлиять своими действиями [Seeman 1991: 291–372], выступают составляющими субъективного благополучия. Своеобразным решением разграничения субъективного благополучия как предмета психологии и предмета социологии стало выделение так называемых аффективного и когнитивного компонентов благополучия [Rapley 2003: 193]. Аффективная составляющая является отражением основных положений гедонистических теорий счастья, в рамках которых акцентируется внимание на наслаждении от блага как основы для положительных эмоций. Когнитивная составляющая счастья формируется на базе оценки индивидами своей жизни в целом и отдельных её аспектов (к примеру, семья, материальное благополучие) в соответствии с определёнными критериями наилучшей жизни для индивида. Принимается предпосылка о том, что индивид информирован и опирается на прошлый опыт, то есть оценивает собственное благополучие в текущий период времени, принимая во внимание и взвешивая разные факторы, в том числе и то, какова была его жизнь в течение продолжительного времени в прошлом. Таким образом, к примеру, у маленьких детей ограничены возможности когнитивного оценивания благополучия [Sumner 1996: 146]. Критерии наилучшей жизни для индивида во многом зависят от контекста. Ценности общества, социально-экономические особенности страны могут опосредовать характер связи между объективными и субъективными показателями благополучия. Иными словами, когнитивная составляющая счастья является социально укоренённой: факторы, влияющие на уровень удовлетворённости жизнью, варьируются в разных группах стран. К примеру, в мусульманских странах обнаружена следующая специфика: потенциальная социальная поддержка (в качестве индикатора выступает количество у человека знакомых, к которым можно обратиться за помощью в случае сложной ситуации) не оказывает статистически значимого эффекта на субъективное благополучие [Brannan et al. 2013]. В это же время в большинстве стран взаимосвязь потенциальной социальной поддержки с удовлетворённостью жизнью значимо положительна. Приведём ещё один пример. Семейное положение — значимый предиктор субъективного благополучия вне зависимости от страны. Однако положительный эффект брака на удовлетворённость жизнью значительно сильнее в обществах с развитыми коллективистскими ценностями [Diener et al. 2000].

Любопытно отметить, что отправной точкой для последующей активной дискуссии о характере связи между объективными показателями благополучия и оценками благополучия индивидами оказалась работа не социолога и не психолога, а экономиста. В области экономики субъективное измерение благополучия стало применяться не с целью заменить доходный подход к оценке благополучия [Graham 2016: 424–452], а для того, чтобы получить более точные оценки эффекта изменений различных экономических показателей (к примеру, уровень инфляции), эффекта институциональных изменений (таких как изменения в социальной политике) на благосостояние населения. В 1959 г. экономист М. Абрамовитц выразил сомнение относительно справедливости утверждения о том, что изменения уровня благопо-

лучия в долгосрочном периоде отражают изменения объёма произведённой продукции (см. подробнее: [Easterlin 1974]). В работе 1974 г. Р. Истерлин представил результаты эмпирической проверки позиции М. Абрамовитца [Easterlin 1974] и сформулировал следующие исследовательские вопросы: как связаны экономический рост и уровень общественного благосостояния (*social welfare*)? Подтверждается ли эмпирическими данными положительный характер этой взаимосвязи? Общественное благосостояние отождествляется в работе Р. Истерлина со счастьем. В исследовании рассматриваются как закономерности, выявленные внутри той или иной страны, так и закономерности в межстрановой перспективе, или, иными словами, полученные в результате изучения показателей счастья, агрегированных на уровне стран. Автор, опираясь на данные об уровне счастья и материального достатка, полученные во время опросных исследований в 30 странах, отмечает, что результаты, отражающие индивидуальные данные внутри страны, являются устойчивыми. Представители более высокой доходной группы в среднем ощущают себя более счастливыми. Автор предполагает, что направление причинно-следственной связи — от уровня дохода к счастью. Результаты, вызвавшие впоследствии активный отклик со стороны других исследователей и известные в литературе как парадокс Истерлина, были получены на агрегированном уровне. Автор считает некорректным положение о том, что богатые страны являются более счастливыми. Экономический рост не оказывает значимый эффект на уровень счастья в обществе. Р. Истерлин также обращается к данным во временной перспективе. На момент написания его работы опросные данные в большинстве стран были собраны за довольно ограниченный период времени, поэтому Р. Истерлин был вынужден для иллюстрации парадокса обратиться к данным только одной страны — США. Предварительный анализ продемонстрировал, что в долгосрочной перспективе не обнаружено никаких свидетельств в пользу положительной взаимосвязи объективных экономических показателей с уровнем счастья.

Р. Истерлин выявил расхождения между объективными и субъективными показателями на агрегированном страновом уровне, однако позже ряд исследований также подтвердили наличие схожих расхождений на индивидуальном уровне: в ряде стран (в частности, в России) более бедные оказываются более счастливыми, что получило название «парадокс счастливых крестьян» [Graham, Pettinato 2002]. В данной статье нас интересует обсуждение не только первоначальной трактовки парадокса Истерлина, справедливого для агрегированного уровня. Мы проследим развитие дискуссии о расхождениях между объективными и субъективными показателями благополучия как на макро-, так и на микроуровне. Примечательно, что дискуссия о степени разрыва между объективным и субъективным благополучием продолжительна, она длится с 1970-х гг. При этом до сих пор в академической литературе отсутствует согласованность результатов и нет консенсуса относительно объяснительных механизмов характера взаимосвязи. Большинство работ, посвящённых изучению взаимосвязи объективного и субъективного благополучия, носят эмпирический характер, что неудивительно. Выявление взаимосвязи — закономерностей, присущих как одной стране, так и приемлемых для межстрановой перспективы, — требует сбора эмпирического материала и его последующего анализа. Однако в данной статье мы не будем останавливаться на особенностях сбора данных, вопросах валидности и надёжности показателей благополучия. В фокусе нашего внимания — теоретические объяснения, которые, как правило, не учитываются исследователями, чем обуславливается получение противоречивых результатов. Цель данной статьи — определить, какие исследовательские стратегии позволяют учесть и объяснить противоречивость результатов изучения характера взаимосвязи объективного и субъективного благополучия, полученных разными исследователями. Для достижения цели сначала будет представлен обзор основных исследований, формирующих ядро дискуссии о взаимной связи между объективным и субъективным благополучием. На основе этого обзора мы покажем, как развивалась данная дискуссия, и выявим основные причины несогласованности результатов исследований.

Теории, объясняющие характер взаимосвязи объективного и субъективного благополучия: развитие дискуссии

В данной части статьи рассмотрим, какая аргументация была представлена сторонниками парадокса Истерлина и его противниками, и обозначим, как менялся основной предмет дискуссии о характере взаимосвязи объективного и субъективного благополучия.

Для интерпретации выявленного парадокса Р. Истерлин обращается к теории относительного дохода. В рамках данной теории полезность индивида от потребления представлена функцией не от абсолютных значений его расходов, а от отношения его расходов к сумме взвешенных расходов других людей. «Весы» приписываются условно самим индивидом. При пропорциональном росте доходов всех индивидов одновременно полезность каждого отдельного индивида не увеличивается. Полезность в данном контексте можно интерпретировать как уровень субъективного благополучия. Таким образом, более богатая страна необязательно является более счастливой. Это возможное объяснение парадокса Истерлина, полученного изначально на агрегированных межстрановых данных и позднее подтвержденного на данных более широкого временного охвата (10 лет и более) [Easterlin 1995].

Позже теория относительного дохода получила развитие в теории социального сравнения и теории «привыкания». В рамках теории социального сравнения (исходная версия представлена в работе Л. Фестингера [Festinger 1954]) подчёркивается значимость для формирования оценки индивидом собственного благополучия сравнения с благополучием других людей, схожих по каким-то признакам. Однако задача определения референтных групп не имеет уникального решения, что затрудняет эмпирическое тестирование объяснительного механизма социального сравнения. В первую очередь существует множество критериев, в соответствии с которыми можно выделить референтную группу (к примеру, представители той же профессиональной группы, социального класса, возрастной когорты [Firebaugh, Shroeder 2009], люди одной гендерной принадлежности [Ferrer-i-Carbonell 2005]). Кроме того, группы, выделенные в соответствии с разными критериями, не являются взаимоисключающими. Также важно, что индивид может ориентироваться не только на группу, в которую он входит, но и на «внешнюю» группу — представителей, к примеру, более высокого статуса. Были предприняты попытки протестировать эмпирически теорию социального сравнения (см., например: McBride 2001; Blanchflower, Oswald 2004), в результате чего подтвердилась гипотеза о том, что с ростом дохода референтной группы уровень счастья индивида снижается. Однако в указанных исследованиях проверен недостаточный набор референтных групп (возрастная когорта, профессиональная группа), а также сравнительно узок страновой и временной охват данных. Эти ограничения не позволяют с полной уверенностью говорить о том, что для объяснения парадокса Истерлина, предполагающего отсутствие значимой связи между экономическим ростом и счастьем именно *в долгосрочном временном периоде*, релевантна теория социального сравнения.

Согласно теории «привыкания», индивид адаптируется к потреблению. Иными словами, с потреблением каждой последующей единицы блага его предельная полезность уменьшается, а следовательно, субъективное благополучие также снижается. Дискуссионным вопросом остаётся корректность отождествления полезности индивида и субъективного благополучия. Можно выделить две составляющие субъективного благополучия [Kimball, Willis 2006]: (1) реакция на изменения в полезности от получения того или иного блага; (2) удовлетворённость от благ высокого порядка (к примеру, здоровье, которое благо, то есть счастье, и само по себе, и средство, ресурс для осуществления разных видов деятельности [Магун 1983: 49]). Первая составляющая и является полезностью. Она отражает предпочтения индивида в отличие от более широкого концепта субъективного благополучия. Было показано, что, в частности, для России справедлива теория «привыкания» [Родионова 2014]: эффект прироста дохода на субъективное благополучие наиболее сильный для наименее материально обе-

спеченных людей, однако по мере увеличения абсолютного значения дохода данный эффект ослабляется.

Широкое распространение для объяснения характера взаимосвязи между объективным и субъективным благополучием получила также теория уровня притязаний. Положительная взаимосвязь, характерная для данных за один временной срез, объясняется тем, что в фиксированную временную точку индивиды с более высоким доходом при прочих равных условиях способны в большей степени удовлетворить свои притязания. Согласно предложенной теоретической модели, на протяжении жизненного цикла уровень материальных притязаний изменяется пропорционально доходу [Easterlin 2001]. Таким образом, в период активной трудовой деятельности притязания и доход, одновременно демонстрируя рост, уравниваются друг друга, а следовательно, субъективное благополучие остаётся неизменным. У пожилых людей уровень притязаний и доходы, наоборот, демонстрируют тенденцию к снижению. Это объясняет малую вариацию субъективного благополучия в рамках того или иного периода жизненного цикла. Теория уровня притязаний также предлагает объяснение для того, каким образом формируется оценка индивидом собственного благополучия в предшествующий и последующий периоды жизни. К примеру, в трудовой период жизненного цикла, для которого, как правило, характерен возрастающий уровень притязаний и дохода, индивид оценивает своё благополучие в предшествующий временной период, ориентируясь на более высокий уровень притязаний в текущий момент времени. И, наоборот, притязания в текущий период оказываются ниже, чем в последующий период. Индивид склонен оценивать благополучие в прошлом ниже по сравнению с текущим моментом времени и, напротив, полагать, что его уровень благополучия в будущем возрастёт, при этом не принимая во внимание фактор роста притязаний со временем.

Продолжающаяся дискуссия между сторонниками и критиками парадокса Истерлина отражает противостояние между представителями неоклассического и классического подходов в экономике. Во многом влияние на формирование и развитие неоклассического направления оказали работы Дж. Кейнса: для предсказания поведения индивида были предприняты попытки формализовать психологические факторы и факторы социального контекста [Palley 2008], что противоречило основным предпосылкам классического подхода в экономике. Критика основной работы Р. Истерлина (1974 г.) была направлена преимущественно не против сути самого обозначенного парадокса, а против объяснительных механизмов, а именно — против ряда теорий относительного дохода. Р. Вееenhooven подчёркивает значимость именно абсолютных значений дохода как фактора субъективного благополучия [Veenhoven 1991]. Э. Динер и его соавторы позже также указывают на отсутствие свидетельств в пользу важности относительного дохода [Diener et al. 1993]. Полученные Б. Стивенсоном и Дж. Уолферсом результаты выступают основанием для переосмысления теоретического объяснения характера взаимосвязи субъективного и объективного благополучия [Stevenson, Wolfers 2008]. Авторы на данных проекта «Всемирное исследование ценностей» (World Values Survey), доступных для ряда стран с 1984 г., показывают, что между средним (агрегирование произведено на уровне страны) значением субъективного благополучия и ВВП на душу населения во временной перспективе наблюдается статистически значимая положительная взаимная связь. Авторы делают вывод о том, что значение теорий относительного дохода и социального сравнения преувеличено. Теория «привыкания», согласно которой с течением времени положительный эффект объективного благосостояния на субъективное ослабляется в силу роста уровня притязаний, также может быть подвергнута сомнению. Функциональная форма взаимосвязи, выявленная Б. Стивенсоном и Дж. Уолферсом, наиболее близка к линейно-логарифмической: с ростом ВВП на душу населения с каждой последующей единицей прироста показателя субъективного благополучия уменьшается. Тем не менее «точка насыщения», после которой взаимосвязь объективных и субъективных показателей благополучия изменилась бы на отрицательную, в рамках исследования выявлена не была (даже за долгосрочный временной период на выборке развитых стран с наиболее высоким ВВП на душу населения). Привыкание — своего рода «адаптация» — к росту доходов происходит более медленно, чем предполагалось предшествующими исследователями. Б. Стивенсон и Дж. Уолферс счита-

ют, что, если факт сравнения с окружением и имеет место, внутривыборочные сравнения более значимы, чем сравнения с жизнью населения других стран. Согласно их позиции, абсолютный доход — наиболее значимый фактор динамики субъективного благополучия.

В ответе на критику Р. Истерлина и его соавторы представили дополнительно результаты, полученные на расширенной выборке стран, включающей развивающиеся страны и страны с переходной экономикой [Easterlin et al. 2010], и показали, что для этих стран также справедливо отсутствие статистически значимой связи между счастьем и экономическим ростом в долгосрочном временном периоде. Авторы указали на то, что представленная критика парадокса Истерлина несостоятельна, поскольку суть парадокса понята неверно. Р. Истерлин подчеркивает отсутствие значимой связи между субъективными оценками благополучия и экономическим ростом именно в долгосрочной перспективе (10 лет и более). Таким образом, положительная взаимосвязь указанных показателей, обнаруженная на кросс-секционной выборке за один год или на выборке за краткосрочный временной период (менее 10 лет), не может выступать свидетельством против парадокса Истерлина, так как не противоречит его сути. Кроме того, Б. Стивенсон и Дж. Уолферс включили в выборку страны с переходной экономикой, данные по которым имеют достаточно много пропущенных значений, что сужает временной период для последующего анализа данных. Это, в свою очередь, может приводить к смещённым результатам.

Объяснительные механизмы — не единственный предмет спора между сторонниками классического и неоклассического направлений в экономике. Приверженцы классического подхода критиковали парадокс Истерлина по той причине, что не признавали субъективное благополучие как предмет исследования, в фокусе их рассмотрения находились показатели дохода, потребления и затрат как индикаторы благополучия. Согласно их позиции, индивиды не способны самостоятельно определить, что является наилучшей альтернативой для них и максимизирует их полезность [Gasper 2005]. В силу этого сторонники классического подхода не обращались к изучению субъективного благополучия и его факторов.

В связи с ослаблением позиций «классиков» дискуссия о парадоксе Истерлина приобрела другой характер. Больше не поднимался вопрос о целесообразности изучения субъективного благополучия. Опозиция «абсолютный — относительный доход» потеряла свою значимость. Все чаще в фокусе внимания исследователей оказываются факторы-посредники взаимосвязи объективного и субъективного благополучия. Выявление таких факторов даёт потенциал для объяснения того, почему характер этой взаимосвязи может варьироваться в разных обществах и в разные временные периоды. Мы рассмотрим эти факторы-посредники в следующей части статьи, где перейдём к обсуждению возможных стратегий исследования, позволяющих оценить значимость факторов, влияющих на связь между объективными и субъективными показателями благополучия.

Источники несогласованности результатов исследования взаимосвязи объективного и субъективного благополучия и стратегии объяснения этой несогласованности

В данном разделе статьи мы обозначим основные причины того, почему, несмотря на продолжительную дискуссию, до сих пор не достигнут консенсус по вопросу о характере взаимосвязи объективного и субъективного благополучия. При этом согласованность отсутствует как для индивидуальных данных, так и для данных, агрегированных на уровне стран. Мы обсудим, какие стратегии исследования позволяют в явном виде определить факторы, обуславливающие расхождения в результатах, и тем самым объяснить возникшие противоречия.

Зависимость взаимосвязи субъективного и объективного благополучия от страновых характеристик

Для того чтобы обозначить первый источник получения противоречащих друг другу выводов о взаимосвязи объективных и субъективных показателей экономического благополучия, обратимся к работе Р. Истерлина и его соавторов «The Happiness-Income Paradox Revisited» («Ещё раз о парадоксе взаимосвязи счастья и дохода») [Easterlin 2010]. В ответе на критику авторы этой работы указали на то, что результаты, полученные Б. Стивенсоном и Дж. Уолферсом, являются во многом итогом методологического артефакта. Репликация этих результатов показала, что при исключении стран с переходной экономикой из выборки отрицательная взаимосвязь удовлетворённости жизнью с ВВП на душу населения перестаёт быть значимой. Р. Истерлин и его коллеги полагают, что причиной является не специфика стран с переходной экономикой, а то, что данные по этим странам собраны за короткий временной период. Однако последующие результаты (см., например: [Горшков 2010; Родионова 2014]), полученные на данных развивающихся стран и стран с переходной экономикой, не позволяют сделать однозначный вывод о том, что для них в равной мере, как и для развитых стран, справедлив парадокс Истерлина. Возникает вопрос: обладают ли страны с переходной экономикой и развивающиеся страны специфической характера связи между субъективным и объективным благополучием? Возможно ли сопоставление результатов исследования этих стран с закономерностями, полученными для развитых стран?

Для того чтобы ответить на вышеприведённые вопросы, ряд исследователей предприняли попытку учесть в явном виде контекст, то есть страновые характеристики, культурные особенности, опосредующие характер связи между экономическими показателями и их оценкой. Если первоначально интерес представляли вопросы: «Действительно ли парадокс Истерлина существует? Кто прав: сторонники или критики Р. Истерлина?», — то на современном этапе дискуссии релевантной оказывается следующая постановка вопроса: «В каких условиях соблюдается парадокс Истерлина, а в каких — нет?» В качестве факторов-посредников тестируются, как правило, ценности, доминирующие в том или ином обществе [Sechel 2014]. Также довольно часто как потенциальные модераторы взаимосвязи объективного и субъективного благополучия рассматриваются показатели, тесно связанные с ценностями, такие как уровень социального капитала, восприятие коррупции в обществе [Graham, Chattopadhyay, Pison 2010]. Технически оценка эффекта индикаторов-посредников взаимосвязи осуществляется включением предикторов — переменных взаимодействия в модель.

Указанная стратегия исследования позволяет учесть социальную укоренённость когнитивной составляющей субъективного благополучия. Речь идёт о том, что понимание счастья и определение благополучия могут зависеть от культурных особенностей страны. К примеру, было показано, что для жителей стран с выраженной индивидуалистской культурой более высокий уровень благополучия ассоциируется с успешной самореализацией, достижением поставленных целей и финансовой независимостью. В коллективистских культурах принято считать, что благополучие невозможно без устойчивых социальных связей, выполнения своих обязанностей перед другими людьми [Oyserman, Lee 2008; Triandis 2001].

Определение факторов — страновых характеристик, опосредующих взаимосвязь объективного и субъективного благополучия, позволяет обосновать возможность перехода от макро- к микроуровню анализа данной взаимосвязи. Если изначально парадокс Истерлина был сформулирован только на агрегированном страновом уровне, то позднее в ряде исследований стали приводиться подтверждения расхождений между объективными и субъективными показателями на данных индивидуального уровня. Сопоставимость результатов на разных уровнях можно объяснить тем, что страновые характеристики определяют релевантные предикторы субъективного благополучия на индивидуальном уровне. К примеру, есть свидетельства о том, что в странах с более низкими значениями показателей ВВП на

душу населения и его роста сильнее выражен негативный эффект низкого личного дохода на удовлетворённость жизнью [Pittau, Zelli, Gelman 2010]. Такой результат довольно хорошо объясняется теорией социального сравнения. Жители из стран с низкими показателями экономического развития, зная о более высоком экономическом благополучии других стран, склонны острее воспринимать свои финансовые проблемы. В рамках теории «привыкания» также можно обосновать переход от макро- к микро-уровню взаимосвязи объективного и субъективного благополучия. Проиллюстрируем это следующим примером: в странах с более высоким уровнем долгосрочной безработицы на индивидуальном уровне негативный эффект статуса «безработный» на удовлетворённость жизнью является менее выраженным [Helliwell 2002]. В данном случае работает эффект «привыкания», или адаптации к неблагоприятным условиям, в силу того, что безработица на страновом уровне носит долгосрочный характер.

Отсутствие единых критериев выделения референтных групп для тестирования теорий относительного дохода

Как уже было обозначено ранее, доминирующей теоретической рамкой для объяснения специфики взаимосвязи объективного и субъективного благополучия являются теории, основанные на положении о том, что относительный доход — наиболее значимый фактор формирования оценки собственного благополучия. Данная теория позволяет объяснить, почему в ряде случаев динамика субъективного благополучия не отражает изменения в экономических показателях (как на индивидуальном уровне, так и на уровне стран). Однако в ряде работ интерпретация, основанная на важной роли социального сравнения и «привыкания» (иными словами, сопоставления текущего значения благополучия с его динамикой в прошлом), представлена без предварительного тестирования предложенных объяснительных механизмов на данных. Как теория социального сравнения, так и теория «привыкания» допускают расхождения в характере взаимосвязи объективного и субъективного благополучия на агрегированном (по странам) и индивидуальном уровне. Для тестирования данных теорий на первый взгляд возможно выявить различия в силе и характере взаимосвязи экономических показателей и оценок благополучия в разных социальных группах. Такая стратегия предполагает проведение эмпирического анализа не на всех данных по той или иной стране одновременно, а с учётом предварительной дифференциации на группы. Иными словами, речь идёт о выделении референтных групп. Но одни и те же люди могут ориентироваться на многочисленные референтные группы, выделенные в соответствии с разным набором критериев (к примеру, как на профессиональную группу, так и на представителей той же гендерной принадлежности). Отдельную сложность представляет собой однозначное определение наиболее значимых референтных групп, относительно которых индивид оценивает своё благополучие. К примеру, до сих пор остаются открытыми вопросы, насколько быстро адаптируются мигранты к принимающей стране, и какая референтная группа является более важной для них при оценке собственного благополучия — жители родной страны или жители принимающей страны [Melzer, Muffels 2012]. В силу многочисленных трудностей определения наиболее значимой референтной группы необходимо предложить дополнительный инструментарий для проверки объяснительных механизмов взаимосвязи объективного и субъективного благополучия.

Тестирование переменной неравенства распределения доходов в качестве опосредующей взаимосвязь субъективного и объективного благополучия стало попыткой оценить фактор социального сравнения. В силу того что происходит сравнение с референтной группой, значительную роль играет уровень неравенства распределения доходов в стране [Rousseau 2009]. Однако стоит учитывать, что неравенство может иметь разную коннотацию, и это влияет на полученные результаты. Для иллюстрации обратимся к российским исследованиям. Неравенство в России, впрочем, как и в других странах с переходной экономикой, прежде всего выступает детерминантой социальной напряжённости в обществе, которая проявляется, в частности, в росте неудовлетворённости условиями жизни [Осеев 2014]. Альтернативная позиция относительно уровня неравенства как показателя наличия возможностей социальной мо-

бильности, а соответственно, положительной взаимосвязи неравного доступа к ресурсам и субъективного благополучия, слабо представлена в отечественных исследованиях.

Во избежание зависимости результатов исследования от различной коннотации неравенства в разных обществах необходимо использовать дополнительные инструменты, которые в явном виде учитывают, каким образом индивиды приписывают веса благополучию других индивидов. Напомним, что в рамках теории относительного дохода полезность индивида от потребления представлена как функция от отношения его расходов к сумме «взвешенных» расходов других людей. Важную роль в объяснении степени разрыва между объективными показателями экономического благосостояния и оценками населением благосостояния играет не неравенство распределения доходов, а именно *восприятие индивидом экономического неравенства в обществе*. Дело в том, что индивид приписывает вес благополучию других людей и своему доходу в предшествующие временные периоды исходя из собственных оценок неравенства. В свою очередь, между этими оценками и объективным показателем степени неравенства, как, в частности, показывают Д. Трейсман и В. Гимпельсон [Gimpelson, Treisman 2015], могут быть значительные расхождения. Разумно предположить, что чем ближе уровень экономического неравенства к его оценкам, тем сильнее взаимосвязь объективного и субъективного экономического благосостояния. Мы полагаем, что, кроме субъективного неравенства, на формирование весов, приписываемых благополучию других индивидов, влияют *типы потребления*, распространённые в той или иной социальной группе. Наиболее правдоподобным представляется следующее положение: чем более склонен индивид к проявлению демонстративного потребления, тем больший вес другие индивиды будут приписывать его благополучию. Распространённость демонстративного потребления в обществе, в свою очередь, тесно связана со степенью искажения восприятия неравенства. Паттерны потребления различаются в разных референтных группах. К примеру, согласно теории сигналов (сигнал в данном случае понимается как информация о статусе для окружающих), референтные группы с более низким средним доходом более склонны к демонстративному потреблению [Charles, Hurst, Roussanov 2009] (связь нелинейная; наиболее низкие доходные группы стремятся удовлетворить только базовые потребности; эффект социального сравнения ничтожно мал для этих групп [Ravallion, Lokshin 2005]). В силу этого могут наблюдаться значимые расхождения между объективными мерами имущественного неравенства и его оценками.

Изменчивость индивидуальных траекторий субъективного благополучия во временной перспективе

Для тестирования теории привыкания требуются данные в долгосрочной временной перспективе. Как правило, исследуется динамика средних показателей субъективного благополучия, что, однако, не позволяет учесть, каким образом меняется субъективное благополучие в зависимости от тех или иных событий в жизни, как трансформируются понятия «счастье» и «благополучие» в течение жизни индивида. Это важный недостаток: структура, а также значимость тех или иных составляющих субъективного благополучия варьируются не только в межстрановой, но и во временной перспективе (см., например: [Diener et al. 1999; Tov, Diener 2013]).

Современные исследователи изменили методологию эмпирической проверки гипотез для того, что учесть изменчивость индивидуальных траекторий субъективного благополучия. Наиболее релевантным методом в данном контексте представляется моделирование латентных кривых. Традиционный подход к анализу панельных и лонгитюдных данных состоит в том, что значение зависимой переменной предсказывается на основании значения той же переменной в предыдущие временные точки. Если быть точнее, то оценивается среднее значение по всей выборке в пространственном разрезе данных (в отличие от временного). Специфика моделирования с латентными кривыми заключается в том, что основой для прогнозирования значения зависимой переменной выступает индивидуальная траекто-

рия, полученная по всем временным периодам, доступным для анализа. Параметры, оценённые для каждой единицы анализа, представлены как латентные переменные. В модель включаются случайные эффекты, которые отражают специфику индивидуальных траекторий — «отклонений» от среднего по всей выборке. Кроме рассмотрения изменяющейся наблюдаемой переменной в качестве зависимой, мы можем использовать латентный конструкт и проанализировать его изменения во временной перспективе. Таким образом, во-первых, этот метод позволяет выявить траекторию изменения латентного субъективного благополучия и определить факторы, влияющие на эту траекторию [Bollen, Curran 2006]. Иначе говоря, на «входе» исследования мы изначально работаем не с набором конкретных переменных — удовлетворённостью работой, удовлетворённостью текущим доходом и т. д., а, напротив, предварительно определяем латентный концепт и его содержание. Изменчивость латентного концепта условно может быть названа причиной доли изменчивости ряда аспектов субъективного благополучия. В то же время необъяснённая доля дисперсии наблюдаемых индикаторов также моделируется (к примеру, «специфичность» в факторном анализе). Во-вторых, моделирование латентных кривых позволит выявить, каким образом изменяется структура латентного конструкта (значимость тех или иных составляющих) с течением времени. Моделирование латентных кривых стало активно применяться только последние 10–15 лет. Традиция применения этого метода к изучению взаимосвязи между объективным и субъективным благополучием ещё не сформировалась, однако первые попытки протестировать данный метод для решения задачи выделения индивидуальных траекторий субъективного благополучия уже предприняты [Bayliss, Olsen, Walthery 2017; Зудина 2017].

Заключение

Субъективное благополучие продолжительное время оставалось вне предметной области социологических и экономических исследований в связи со значимостью аффективной составляющей, изучаемой, как правило, психологами. Осознание ограниченности объективных экономических показателей благосостояния населения стало одной из причин, по которой субъективное благополучие стало предметом междисциплинарных исследований. Именно экономисты впервые обратили внимание на специфику взаимосвязи объективного и субъективного благополучия. Дискуссия относительно парадокса Истерлина продолжается до сих пор. Важно отметить, что ее предметом стала преимущественно не суть самого парадокса, а предложенные автором объяснительные механизмы. Эта дискуссия долгое время отражала во многом именно противостояние между представителями неоклассического и классического подходов в экономике. «Каркасом» для ряда теорий (теория социального сравнения, теория «привыкания», или адаптации, теория притязаний), позволяющих объяснить парадокс Истерлина, является теория относительного дохода (формализация психологических факторов и социального контекста как факторов формирования оценки собственного благополучия), против которой активно выступают приверженцы классического подхода в экономике. В результате ослабления позиций «классиков» больше не поднимался вопрос о целесообразности изучения субъективного благополучия, а противостояние теорий абсолютного и относительного дохода потеряло прежнюю значимость.

Стало понятно, что нет однозначного ответа на вопрос, какая позиция о характере взаимосвязи объективного и субъективного показателей благополучия является верной. В силу этого стратегия исследования изменилась. В фокусе современных работ — выявление источников расхождений в полученных результатах. Интерес представляют условия, которые способствуют тому или иному характеру взаимосвязи экономических показателей с их оценками.

На основе обзора ключевых источников по указанной тематике мы обнаружили несколько источников получения несогласованных результатов и определили соответствующие стратегии исследования, позволяющие в явном виде оценить значимость тех или иных факторов, объясняющих расхождения в результатах. Резюмируем выводы в приведённой таблице (см. табл. 1).

Таблица 1

Источники несогласованности результатов о характере взаимосвязи объективного и субъективного благополучия и соответствующие стратегии исследования

Источник несогласованности	Стратегия исследования
Зависимость взаимосвязи субъективного и объективного благополучия от страновых характеристик; социальная укоренённость субъективного благополучия	Поиск релевантных факторов-посредников взаимосвязи на страновом уровне (к примеру, ценности, социальный капитал)
Отсутствие единых критериев выделения референтных групп для тестирования теорий относительного дохода	Использование дополнительных инструментов, позволяющих объяснить, каким образом приписываются веса доходу других индивидов и своему доходу в предшествующие временные периоды: субъективное неравенство, типы потребления
Изменчивость индивидуальных траекторий субъективного благополучия в течение продолжительного временного периода	Изменение методологии эмпирического исследования и применение моделирования латентных кривых

Важно отметить, что обозначенные исследовательские стратегии направлены не на определение однозначной правоты сторонников той или позиции, но предоставляют возможность диагностировать, почему в разных странах и для разных временных периодов наблюдается неодинаковый характер взаимосвязи. Несхожие выводы оказываются справедливыми в зависимости от условий. Можно сказать, что такой подход, основанный на диагностике проблемы, позволяет смягчить противоречия, возникшие относительно характера взаимосвязи объективного и субъективного благополучия. Вполне вероятно, что этот подход в перспективе поможет найти консенсус первоначальным сторонникам и критикам парадокса Истерлина.

Литература

- Горшков М. К. 2010. Российское общество: реакция на кризис и ожидания будущего. *Общество и экономика*. 2: 17–31.
- Зудина А. А. 2017. Мобильность социального самочувствия россиян в 2000–2014 гг. В кн.: Капелюшников Р. И., Гимпельсон В. Е. *Мобильность и стабильность на российском рынке труда*. М.: Изд. дом ВШЭ: 447–489.
- Магун В. С. 1983. *Потребности и психология социальной деятельности личности*. Под ред. В. А. Ядова. Ленинград: Наука.
- Осеев А. А. 2014. Социальное неравенство как фактор социальной напряженности в российском обществе. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 14 (2): 68–80.
- Родионова Л. А. 2014. Парадокс Истерлина в России. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право*. 14 (2): 386–393.
- Bayliss D., Olsen W., Walthery P. 2017. Well-Being During Recession in the UK. *Applied Research Quality Life*. 12 (2): 369–387.
- Blanchflower D., Oswald A. 2004. Well-being Over Time in Britain and the USA. *Journal of Public Economics*. 88 (7): 1359–1386.

- Bollen K., Curran P. 2006. *Latent Curve Models. A Structural Equation Perspective*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons.
- Brannan D. et al. 2013. Friends and Family: a Cross-Cultural Investigation of Social Support and Subjective Well-being among College Students. *The Journal of Positive Psychology*. 8 (1): 65–75.
- Charles K., Hurst E., Roussanov N. 2009. Conspicuous Consumption and Race. *The Quarterly Journal of Economic*. 124 (2): 425–467.
- Clark A., Frijters P., Shields M. 2008. Relative Income, Happiness, and Utility: An Explanation for the Easterlin Paradox and Other Puzzles. *Journal of Economic Literature*. 46 (1): 95–144.
- Cojocaru A., Diagne M. 2015. How Reliable and Consistent are Subjective Measures of Welfare in Europe and Central Asia? Evidence from the Second Life in Transition Survey. *Economics of Transition*. 23 (1): 75–103.
- Diener E. et al. 1993. The Relationship between Income and Subjective Well-being: Relative or Absolute? *Social Indicators Research*. 28 (3): 195–223.
- Diener E. et al. 1999. Subjective Well-being: Three Decades of Progress. *Psychological Bulletin*. 125 (2): 276–302.
- Diener E. et al. 2000. Similarity of the Relations between Marital Status and Subjective Well-Being across Cultures. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 31 (4): 419–436.
- Easterlin R. 1974. Does Economic Growth Improve the Human Lot? Some Empirical Evidence. In: David P., Reder M. (eds). *Nations and Households in Economic Growth: Essays in Honor of Moses Abramowitz*. NY; London: Academic Press; 89–125.
- Easterlin R. 1995. Will Raising the Incomes of All Increase the Happiness of All? *Journal of Economic Behavior and Organization*. 27 (1): 35–47.
- Easterlin R. 2001. Income and Happiness: Towards a Unified Theory. *The Economic Journal*. 111 (473): 465–484.
- Easterlin R. et al. 2010. The Happiness-Income Paradox Revisited. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 107 (52): 22463–22468.
- Ferrer-i-Carbonell A. 2005. Income and Well-Being: An Empirical Analysis of the Comparison Income Effect. *Journal of Public Economics*. 89 (5): 997–1019.
- Festinger L. 1954. A Theory of Social Comparison Processes. *Human Relations*. 7 (2): 117–140.
- Firebaugh G., Shroeder M. 2009. Does your Neighbor's Income Affect your Happiness? *American Journal of Sociology*. 115 (3): 805–831.
- Gasper D. 2005. Subjective and Objective Well-Being in Relation to Economic Inputs: Puzzles and Responses. *Review of Social Economy*. 33 (2): 177–206.

- Gimpelson V. E., Treisman D. 2015. Misperceiving Inequality. National Bureau of Economic Research. NBER Working Paper Series. *Working Paper*. No. 21174. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research. URL: <http://www.nber.org/papers/w21174.pdf>
- Graham C. 2016. Subjective Well-Being in Economics. In: Adler M., Fleurbaey M. (eds) *The Oxford Handbook of Well-being and Public Policy*. NY: Oxford University Press; 424–452.
- Graham C., Chattopadhyay S., Picon M. 2010. The Easterlin and Other Paradoxes: Why Both Sides of the Debate May be Correct. In: Diener E., Helliwell J., Kahneman D. (eds) *International Differences in Well-Being*. NY: Oxford University Press; 247–288.
- Graham C., Pettinato S. 2002. Frustrated Achievers: Winners, Losers and Subjective Well-Being in New Market Economies. *Journal of Development Studies*. 38 (4): 100–140.
- Helliwell J. 2002. How's Life? Combining Individual and National Variables to Explain Subjective Well-Being. *Economic Modelling*. 20 (2): 331–360.
- Kimball M., Willis R. 2006. Happiness and Utility. *Working Paper*. March 3. Ann Arbor: University of Michigan. URL: <http://www-personal.umich.edu/~mkimball/pdf/uhap-3march6.pdf>
- McBride M. 2001. Relative-Income Effects on Subjective Well-being in the Cross-Section. *Journal of Economic Behavior and Organization*. 45 (3): 251–278.
- Melzer S., Muffels R. 2012. Migrant's Pursuit of Happiness. The Impact of Adaption, Social Comparison and Relative Deprivation: Evidence from a Natural Experiment. *SOEPpapers on Multidisciplinary Panel Data Research*. No. 448. URL: http://www.diw.de/documents/publikationen/73/diw_01.c.400274.de/diw_sp0448.pdf
- Oyserman D., Lee S. 2008. Does Culture Influence What and How We Think? Effects of Priming Individualism and Collectivism. *Psychological Bulletin*. 134 (2): 311–342.
- Palley T. 2008. The Relative Income Theory of Consumption: A Synthetic Keynes-Duesenberry-Friedman Model. *Working Papers*. No. 170. Amherst: University of Massachusetts Amherst.
- Pittau M., Zelli R., Gelman A. 2010. Economic Disparities and Life Satisfaction in European Regions. *Social Indicator Research*. 96: 339–361.
- Rapley M. 2003. *Quality of Life Research*. London: Sage.
- Ravallion M., Lokshin M. 2005. Who Cares about Relative Deprivation Effects. *Policy Research Working Paper Series*. No. 3782. Washington, DC: The World Bank.
- Rousseau J-B. 2009. *Essays on the Economics of Happiness*. Ann Arbor: University of Michigan. URL: https://deepblue.lib.umich.edu/bitstream/handle/2027.42/64721/jbgrou_1.pdf?sequence=1
- Sechel C. 2014. *Subjective Well-Being across Countries: What is the Aggregate?* University of York. URL: http://conference.iza.org/conference_files/SUMS_2015/sechel_c21751.pdf
- Seeman M. 1991. Alienation and Anomie. In: Robinson J., Shaver Ph., Lawrence W. (eds) *Measures of Personality and Social Psychological Attitudes*. San Diego: Academic Press; 291–372.

- Stevenson B., Wolfers J. 2008. Economic Growth and Subjective Well-being: Reassessing the Easterlin Paradox. *Brookings Papers on Economic Activity*. 39 (1): 1–87.
- Sumner W. 1996. *Welfare, Happiness, and Ethics*. Oxford: Clarendon Press.
- Swader C., Kosals L. 2013. Post-Socialist Anomie through the Lens of Economic Modernization and the Formalization of Social Control. *HSU Working Papers. Series: Sociology*. BRP 17/SOC/2013. URL: <https://www.hse.ru/data/2013/03/02/1293260236/17SOC2013.pdf>
- Tov W., Diener E. 2013. Subjective Well-being. In: Keith K. (eds). *The Encyclopedia of Cross-Cultural Psychology*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons; 1239–1245.
- Triandis H. 2001. Individualism-Collectivism and Personality. *Journal of Personality*. 69: 907–924.
- Veenhoven R. 1991. Is Happiness Relative? *Social Indicators Research*. 24 (1): 1–34.
- Veenhoven R. 2000. The Four Qualities of Life: Ordering Concepts and Measures of the Good Life. *Journal of Happiness Studies*. 1 (1): 1–39.
- Veenhoven R. 2007. Measures of Gross National Happiness. *Presentation at OECD Conference on Measurability, Policy Relevance of Happiness*. Rome. April 2–3. URL: <http://www.oecd.org/site/worldforum06/38303257.pdf>
- Veenhoven R. 2008. Sociological Theories of Subjective Well-being. In: Eid M., Larsen R. (eds) *The Science of Subjective Well-Being: A Tribute to Ed Diener*. NY: Guilford Publications; 44–61.

PROFESSIONAL REVIEWS

Daria Salnikova

The Reasons for Conflicting Results on the Relationship between Objective and Subjective Well-Being

SALNIKOVA, Daria — Independent Department of Higher Mathematics, Postgraduate Student (School of Sociology) National Research University Higher School of Economics (NRU HSE). Address: 20 Myasnitskaya str., 101000 Moscow, Russian Federation.

Email: dsalnikova@hse.ru

Abstract

The results known in academic literature as the Easterlin paradox state that economic growth does not have any significant effect on happiness in a society in the long term (more than 10 years). These results became a trigger for the subsequent discussion about the gap between objective and subjective measures of well-being. In particular, there is still no consensus on the explanatory mechanism underlying the relationship between objective and subjective well-being. The analysis of transition economies and developing countries gives inconsistent and contradictory results. In this paper, I consider not only the original interpretation

of the Easterlin paradox that is true only for the aggregated national level. This paper traces the discussion about the gap between objective and subjective well-being on both national and individual levels. This study aims to define relevant research strategies that explain why the inferences about the relationship between economic well-being and its perception are inconsistent.

At the beginning of the paper, I address the origins of the academic discussion on subjective well-being and explain why different disciplines study subjective well-being. The following part of the paper describes briefly the key stages of the discussion to expose the main arguments. The review of key studies allows me to find the obstacles to reaching the consensus on the type of relationship between objective and subjective well-being. In the final part, the author reflects on the research strategies that explain why the effect of economic indicators on subjective well-being varies in different studies.

Keywords: the Easterlin paradox; economic growth; subjective economic well-being; subjective inequality; relative income theory; social comparison theory.

References

- Bayliss D., Olsen W., Walthery P. (2017) Well-Being During Recession in the UK. *Applied Research Quality Life*, vol. 12, no 2, pp. 369–387.
- Blanchflower D., Oswald A. (2004) Well-being Over Time in Britain and the USA. *Journal of Public Economics*, vol. 88, no 7, pp. 1359–1386.
- Bollen K., Curran P. (2006) *Latent Curve Models. A Structural Equation Perspective*, Hoboken, NJ: John Wiley & Sons.
- Brannan D., Biswas-Diener R., Mohr C., Mortazavi S., Stein N. (2013) Friends and Family: A Cross-Cultural Investigation of Social Support and Subjective Well-Being among College Students. *The Journal of Positive Psychology*, vol. 8, no 1, pp. 65–75.

- Charles K., Hurst E., Roussanov N. (2009) Conspicuous Consumption and Race. *The Quarterly Journal of Economic*, vol. 124, no 2, pp. 425–467.
- Clark A., Frijters P., Shields M. (2008) Relative Income, Happiness, and Utility: An Explanation for the Easterlin Paradox and Other Puzzles. *Journal of Economic Literature*, vol. 46, no 1, pp. 95–144.
- Cojocaru A., Diagne M. (2015) How Reliable and Consistent are Subjective Measures of Welfare in Europe and Central Asia? Evidence from the Second Life in Transition Survey. *Economics of Transition*, vol. 23, no 1, pp. 75–103.
- Diener E., Eunkook M., Lucas R., Smith H. (1999) Subjective Well-being: Three Decades of Progress. *Psychological Bulletin*, vol. 125, no 2, pp. 276–302.
- Diener E., Gohm C., Suh E., Oishi S. (2000) Similarity of the Relations between Marital Status and Subjective Well-Being across Cultures. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, vol. 31, no 4, pp. 419–436.
- Diener E., Sandvik E., Seidlitz L., Diener M. (1993) The Relationship between Income and Subjective Well-Being: Relative or Absolute? *Social Indicators Research*, vol. 28, no 3, pp. 195–223.
- Easterlin R. (1974) Does Economic Growth Improve the Human Lot? Some Empirical Evidence. *Nations and Households in Economic Growth: Essays in Honor of Moses Abramowitz* (eds. P. David, M. Reder), NY; London: Academic Press, pp. 89–125.
- Easterlin R. (1995) Will Raising the Incomes of All Increase the Happiness of All? *Journal of Economic Behavior and Organization*, vol. 27, no 1, pp. 35–47.
- Easterlin R. (2001) Income and Happiness: Towards a Unified Theory. *The Economic Journal*, vol. 111, no 473, pp. 465–484.
- Easterlin R., McVey L., Switek M., Sawangfa O., Zweig J. (2010) The Happiness-Income Paradox Revisited. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 107, no 52, pp. 22463–22468.
- Ferrer-i-Carbonell A. (2005) Income and Well-Being: An Empirical Analysis of the Comparison Income Effect. *Journal of Public Economics*, vol. 89, no 5, pp. 997–1019.
- Festinger L. (1954) A Theory of Social Comparison Processes. *Human Relations*, vol. 7, no 2, pp. 117–140.
- Firebaugh G., Shroeder M. (2009) Does Your Neighbor's Income Affect Your Happiness? *American Journal of Sociology*, vol. 115, no 3, pp. 805–831.
- Gasper D. (2005) Subjective and Objective Well-being in Relation to Economic Inputs: Puzzles and Responses. *Review of Social Economy*, vol. 33, no 2, pp. 177–206.
- Gimpelson V. E., Treisman D. (2015) Misperceiving Inequality. NBER Working Paper Series. *Working Paper*, no 21174, Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research. Available at: <http://www.nber.org/papers/w21174.pdf> (accessed 15 September 2017).
- Gorshkov M. K. (2010) Rossiyskoye obshchestvo: reaktsiya na krizis i oszidaniya budushchego [Russian Society: Reaction to the Crisis and Expectations]. *Obshchestvo i ekonomika*, no 2, pp. 17–31 (in Russian).

- Graham C. (2016) Subjective Well-being in Economics. *The Oxford Handbook of Well-being and Public Policy* (eds. M. Adler, M. Fleurbaey), NY: Oxford University Press, pp. 424–452.
- Graham C., Chattopadhyay S., Picon M. (2010) The Easterlin and Other Paradoxes: Why Both Sides of the Debate May be Correct. *International Differences in Well-being* (eds. E. Diener, J. Helliwell, D. Kahneman), NY: Oxford University Press, pp. 247–288.
- Graham C., Pettinato S. (2002) Frustrated Achievers: Winners, Losers and Subjective Well-Being in New Market Economies. *Journal of Development Studies*, vol. 38, no 4, pp. 100–140.
- Helliwell J. (2002) How's Life? Combining Individual and National Variables to Explain Subjective Well-Being. *Economic Modelling*, vol. 20, no 2, pp. 331–360.
- Kimball M., Willis R. (2006) Happiness and Utility. *Working Paper*, March 3, Ann Arbor: University of Michigan. Available at: <http://www-personal.umich.edu/~mkimball/pdf/uhap-3march6.pdf> (accessed 15 September 2017).
- Magun V. S. (1983) *Potrebnosti i psikhologiya sotsial'noy deyatel'nosti lichnosti* [The Needs and Psychology of Social Activity of the Individual], Leningrad: Science (in Russian).
- McBride M. (2001) Relative-income Effects on Subjective Well-Being in the Cross-Section. *Journal of Economic Behavior and Organization*, vol. 45, no 3, pp. 251–278.
- Melzer S., Muffels R. (2012) Migrant's Pursuit of Happiness. The Impact of Adaption, Social Comparison and Relative Deprivation: Evidence from a Natural Experiment. *SOEPpapers on Multidisciplinary Panel Data Research*, no 448. Available at: http://www.diw.de/documents/publikationen/73/diw_01.c.400274.de/diw_sp0448.pdf (accessed 15 September 2017).
- Oseev A. A. (2014) Sotsial'noye neravenstvo kak factor sotsial'noy napryazhennosti v rossiyskom obshchestve [Social Inequality as a Factor of Social Tension in the Russian Society]. *Vestnik Moscovskogo universiteta. Sotsiologia i politologiya*, vol. 14, no 2, pp. 68–80 (in Russian).
- Oyserman D., Lee S. (2008) Does Culture Influence What and How We Think? Effects of Priming Individualism and Collectivism. *Psychological Bulletin*, vol. 134, no 2, pp. 311–342.
- Palley T. (2008) The Relative Income Theory of Consumption: A Synthetic Keynes-Duesenberry-Friedman Model. *Working Papers*, no 170, Amherst: University of Massachusetts Amherst.
- Pittau M., Zelli R., Gelman A. (2010) Economic Disparities and Life Satisfaction in European Regions. *Social Indicator Research*, vol. 96, pp. 339–361.
- Rapley M. (2003) *Quality of Life Research*, London: Sage.
- Ravallion M., Lokshin M. (2005) Who Cares about Relative Deprivation Effects. *Policy Research Working Paper Series*, no 3782, Washington, DC: The World Bank.
- Rodionova L. A. (2014) Paradoks Isterlina v Rossii. [The Easterlin Paradox in Russia]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya Seriya. Seriya: Ekonomika, Upravleniye, Pravo*, vol. 14, no 2, pp. 386–393 (in Russian).

- Rousseau J.-B. (2009) *Essays on the Economics of Happiness* (PhD Thesis), Ann Arbor: University of Michigan. Available at: https://deepblue.lib.umich.edu/bitstream/handle/2027.42/64721/jbgrou_1.pdf?sequence=1 (accessed 16 September 2017).
- Sechel C. (2014) *Subjective Well-Being across Countries: What is the Aggregate?* Available at: http://conference.iza.org/conference_files/SUMS_2015/sechel_c21751.pdf (accessed 16 September 2017)
- Seeman M. (1991) Alienation and Anomie. *Measures of Personality and Social Psychological Attitudes* (eds. J. Robinson, Ph. Shaver, W. Lawrence), San Diego: Academic Press, pp. 291–372.
- Stevenson B., Wolfers J. (2008) Economic Growth and Subjective Well-Being: Reassessing the Easterlin Paradox. *Brookings Papers on Economic Activity*, vol. 39, no 1, pp. 1–87.
- Sumner W. (1996) *Welfare, Happiness, and Ethics*, Oxford: Clarendon Press.
- Swader C., Kosals L. (2013) Post-Socialist Anomie through the Lens of Economic Modernization and the Formalization of Social Control. HSE Working Papers. Series: Sociology, BRP 17/SOC/2013, Moscow: HSE Publishing House. Available at: <https://www.hse.ru/data/2013/03/02/1293260236/17SOC2013.pdf> (accessed 15 September 2017).
- Tov W., Diener E. (2013) Subjective Well-Being. *The Encyclopedia of Cross-Cultural Psychology* (ed. K. Keith), Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, pp. 1239–1245.
- Triandis H. (2001) Individualism-Collectivism and Personality. *Journal of Personality*, vol. 69, pp. 907–924.
- Veenhoven R. (1991) Is Happiness Relative? *Social Indicators Research*, vol. 24, no 1, pp. 1–34.
- Veenhoven R. (2000) The Four Qualities of Life: Ordering Concepts and Measures of the Good Life. *Journal of Happiness Studies*, vol. 1, no 1, pp. 1–39.
- Veenhoven R. (2007) Measures of Gross National Happiness. *Presentation at OECD Conference on Measurability, Policy Relevance of Happiness*, Rome, April 2–3. Available at: <http://www.oecd.org/site/worldforum06/38303257.pdf> (accessed 15 September 2017).
- Veenhoven R. (2008) Sociological Theories of Subjective Well-being. *The Science of Subjective Well-Being: A Tribute to Ed Diener* (eds. M. Eid, R. Larsen), NY: Guilford Publications, pp. 44–61.
- Zudina A. A. 2017. Mobil'nost' sotsial'nogo samochuvstviya rossiyan v 2000–2014 gg. [Trajectories of Self-Evaluations in Russia in 2000–2014] *Mobil'nost' i stabil'nost' na rossiyskom rynke truda* [Mobility and Stability in the Russian Labour Market] (eds. R. I. Kapelyushnikov, V. E. Gimpel'son), Moscow: HSE Publishing House, pp. 447–489 (in Russian).

Received: April 18, 2017

Citation: Salnikova D. (2017) Istochniki nesoglasovannosti rezul'tatov issledovaniy vzaimosvyazi obektivnogo i subektivnogo blagopoluchiya [The Reasons for Conflicting Results on the Relationship between Objective and Subjective Well-Being]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 18, no 4, pp. 157–174. doi: 10.17323/1726-3247-2017-4-157-174 (in Russian).